

Илья Эренбург и Франция

Прости, что жил я в том лесу,
Что все я пережил и выжил,
Что до могилы донесу
Большие сумерки Парижа...

Илья Эренбург (1945)

Из всех стран Европы наиболее тесно Илья Эренбург был связан с Францией — и тем, что дольше всего там жил, и тем, что лучше всего знал и чувствовал ее язык, культуру, историю, ближе всего был знаком (и часто дружен) с выдающимися ее писателями, поэтами, художниками, политиками. Он приехал во Францию юношей — один, почти без языка и без средств. Впечатления и ощущения оказались очень сильными. Со временем он хорошо разобрался во французском национальном характере — понял его со всех сторон, создал немало и привлекательных, и сатирических образов французов. Полнота этого знания никак не поколебала его горячей любви к Франции. Начав заниматься литературой, Эренбург дал себе зарок — никогда не писать по-французски: боялся потерять русскую речь. Но от французской культуры он не только не отсоединялся, но с годами стал единственным в своем роде полпредом французской культуры в России, как и русской — во Франции.

1. Немного истории

Первый период жизни Ильи Эренбурга во Франции: 1908–1917 годы — его политическая эмиграция. Он приехал в Париж в декабре 1908 года, после того как родителям удалось под залог выхлопотать для него право покинуть Россию для лечения (первую половину 1908 года он провел в тюрьмах, вторую — в ссылках;

все это по обвинению в социал-демократической деятельности). Жандармы отпустили Эренбурга на время — до судебного разбирательства, но в 1910 году Эренбург в суд, который грозил ему каторгой, не явился, залог был конфискован. Амнистия (1913) его не коснулась, и вплоть до революции 1917 года он жил во Франции. Биографически этот период делится на две хронологически неравные части: социал-демократическую (1908–1909) и литературно-богемную (1910–1917).

Эренбург выбрал Францию (а не Германию, как хотела мать) не столько из-за языка, который немного знал, сколько потому, что Париж был тогда зарубежным центром русской социал-демократии. Семнадцатилетний Илья, ставший большевиком, еще будучи гимназистом, приехал в Париж с адресами «товарищей», остановился в гостинице у скульптуры Бельфорского льва (вскоре перебрался в более дешевые меблирашки на улице Донфер-Рошера) и быстро нашел то кафе на авеню д'Орлеан (теперь авеню генерала Ле Клерка), где собиралась большевистская группа. Как свежий человек из Москвы, он был немедленно приглашен к Ленину и Крупской в их квартиру у парка Монсури (видимо, тогда Ленин и прозвал его Илья Лохматый). Войдя в парижскую группу содействия большевикам, Эренбург регулярно посещал собрания, рефераты, выступал в дискуссиях; познакомился с Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, Лозовским и другими деятелями большевиков; стал постоянным читателем русской социал-демократической библиотеки на улице Гоблен. Он легко вписался в молодежный социал-демократический кружок, лидером которого была Елизавета Мовшенсон, будущая «серапионова сестра» Елизавета Полонская. Между тем отсутствие серьезных дел и задач, эмигрантская грызня и склоки действовали на Эренбурга отталкивающе. Человек иронический, с несомненным сатирическим даром, он легко подмечал смешные и нелепые стороны жизни окружающих. Эти

наблюдения нашли выход в издании сатирических журналов «Бывшие люди» и «Тихое семейство». Их выпуск начался в конце 1909 года; журналы вызвали острый гнев Ленина; их редактор был отлучен от группы содействия. После этого главным делом его жизни стали стихи. Первая книга Ильи Эренбурга вышла в Париже в 1910-м и так и называлась — «Стихи». Ее тираж был всего сто экземпляров, но она не затерялась в России, где на нее откликнулся Валерий Брюсов и другие мэтры. Первые стихи о Париже открывали четвертую книгу Эренбурга «Будни» (1913) — едкие, подчас отталкивающие, откровенные стихи о трудной, неблагоприятной жизни поэта на городском «дне» — в русской поэзии (в отличие от французской) таких тем еще не было, недаром книгу запретили к ввозу в Россию...

Тебя, Париж, я жду ночами,
Как сутенер приходишь ты,
И грубо тискаешь руками
Все потаенные мечты.
И все, чем я был свеж и молод,
Тебе даю я, как гроши,
Чтоб ты насытил блудный голод
И похоть жадную души.

В Париже Эренбург заводит знакомства с живущими там постоянно либо наезжающими русскими поэтами — К. Бальмонтом, А. Толстым, М. Волошиным, Ф. Сологубом. Но, как и прежде, он не замыкается в сугубо российский круг — читает французских поэтов, старых и новых, увлекается пантеизмом стихов Франсиса Жамма и переводит их, переписывается с Жаммом, а затем навещает его в Ортезе. Жамм был первый французский поэт, оказавший несомненное, хоть и кратковременное, влияние на Эренбурга. Упомянем здесь еще два парижских русских журнала, в создании и выпуске которых Эренбург играл существенную

роль — художественный журнал «Гелиос» (1913) и поэтический — «Вечера» (1914). Денег на них не хватало, и обоих вышло всего по два номера.

Примерно с 1912 года Илья Эренбург вписывается в круг парижской литературно-художественной богемы, становится завсегдатаем парижских кафе «Клозери де Лила» и «Ротонда», их полноправной достопримечательностью. Мир тогдашней «Ротонды» столь впечатляюще запечатлен в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь», что ни одна нынешняя книга о Монпарнасе той эпохи не обходится без цитирования, пересказа или хотя бы ссылки на эту книгу. Именно в кафе Монпарнаса Эренбург познакомился со знаменитыми поэтами Гийомом Аполлинером, Максом Жакобом, Блезом Сандраром. В 1913 году Эренбург начал переводить новых французских поэтов; их, в частности Аполлинера, влияние на его собственную поэзию нетрудно заметить в книге «Стихи о канунах» (1916). Его переводы составили большую антологию «Поэты Франции. 1870–1913. Переводы И. Эренбурга», вышедшую в Париже в 1914 году и содержащую 74 стихотворения 29 поэтов от Малларме до Дорсенюса. Назовем также вышедшую в 1916 году в Москве в переводе Ильи Эренбурга книгу стихов Франсуа Вийона (к этой работе Эренбург вернулся через сорок лет, и она стала украшением его «Французских тетрадей»). Не менее важным, чем знакомство с французскими поэтами, стала для Эренбурга и дружба с парижскими художниками, обитателями «Ротонды». Это была именно дружба; она позволила писателю не только хорошо узнать их творчество, но и больше — понять современную живопись, сформировать безупречный художественный вкус. Список имен тогда еще не признанных художников Монпарнаса — дружба с ними продолжалась всю жизнь, несмотря на категорическое официальное неприятие их творчества в СССР, — включает самые громкие имена второго десятилетия XX века. Назовем

лишь тех, кому Эренбург посвятил портретные главы в своих мемуарах: Пикассо, Модильяни, Шагал, Леже, Ривера... Когда в 1948 году в Варшаве Пикассо за сорок минут сделал знаменитый карандашный портрет Эренбурга и тот удивился: «Уже?» — Пикассо ответил: «Но я ведь тебя знаю сорок лет...»

Во Франции во время Первой мировой войны Эренбург-поэт становится журналистом, корреспондентом русских газет на франко-германском фронте. На его будущую публицистику существенно повлияли два французских автора — Жюль Валлес и Леон Блуа.

Когда в России грянула революция и политзаключенных царского времени освободили, Эренбург устремился домой: в июле 1917 года ему удастся покинуть Францию. Как оказалось, чтобы через четыре года туда вернуться...

8 мая 1921 года Илья Эренбург, обладатель советского паспорта, вернулся в Париж, но уже 26 мая его неожиданно выслали из Франции. Ему удалось обосноваться в Бельгии, потом перебраться в Берлин. В Париж Эренбург смог снова приехать лишь в сентябре 1924 года, после прихода к власти «левого блока» и правительства Эррио и в преддверии установления дипломатических отношений Франции с СССР. С тех пор и до июля 1940 года он жил в Париже.

Среди книг, написанных за эти годы Эренбургом в Париже, назовем три, непосредственно связанные с Францией, — исторический роман «Заговор равных» (1929) о том, как закончилась Великая французская революция. Затем составленная им совместно с писателем О. Савичем книга-монтаж «Мы и они. Франция» (1931) — русские писатели о Франции (в СССР книгу издать не разрешили, а ее берлинское издание в страну не допустили). И наконец, «Мой Париж» (1933) — книга нового жанра: синтез превосходных, живых, сделанных с помощью бокового видоискателя фотографий и блистательных литературных очерков.

С 1932 по 1939 год Эренбург был постоянным корреспондентом московской газеты «Известия» в Париже...

14 июня 1940 года в Париж вступили гитлеровцы. Эренбург видел это своими глазами. Падение Парижа осталось одним из самых горьких событий его жизни; написанный тогда цикл пронзительных стихов «Париж, 1940» — из лучших у Эренбурга:

Глаза закрой и промолчи —
Идут чужие трубачи.
Чужая медь, чужая спесь.
Не для того я вырос здесь!

Именно тогда Илья Эренбург, переживший катастрофу Франции глубоко лично, задумал большой роман «Падение Парижа». Он написал его в Москве в 1940–1942 годах. Роман стал бестселлером в странах антигитлеровской коалиции (по-французски его издали и в Москве, и в освобожденном Париже, по-английски и в Лондоне, и в Нью-Йорке). В 1944-м генерал Де Голль, встречавшийся с Эренбургом во время своих вояжей в Москву, наградил его орденом Почетного легиона.

В 1946 году Эренбург совершил первую большую поездку по Франции после Победы, которая обернулась холодной войной, и Эренбурга потом впустили во Францию только с началом «оттепели», в 1954-м... В годы «оттепели», когда в СССР стали образовываться Общества дружбы с зарубежными странами, Эренбург заслуженно стал первым президентом общества «СССР — Франция». Он очень многое сделал для укрепления культурных связей с Францией — писал предисловия к книгам Сартра, Роже Вайяна, Ива Фаржа, Элюара, Д'Астье; организовывал имевшие огромный успех выставки Пикассо, Марке, французской книги и репродукций, показы французских фильмов. В 1958 году Эренбург добился издания в Москве своей книги «Французские

тетради» — сборника блестящих эссе и конгениальных переводов из Вийона, Дю Белле, старых французских песен; есть там и статьи о его любимых импрессионистах, и о рисунках Пикассо, и о стихах Элюара. Именно они составляют книгу, которую вы держите в руках.

2. На пути к мемуарам

В 1956 году Эренбург напечатал в «Знамени» вторую часть повести «Оттепель», разочаровавшую многих читателей; спустя какое-то время он даже заговорил о том, что собирается писать третью часть, но, поразмыслив, отказался от этого. Более того, в шестидесятые годы в последнее собрание своих сочинений включил только первую часть этой повести, давшей название послесталинской эпохе. Принимая решение больше прозы не писать, Эренбург знал, какая огромная работа ему предстоит — речь шла о его мемуарах, замысел которых время от времени посещал его, и на создание которых у него ушло семь последних лет жизни. До того как окончательно решиться засесть за этот огромный труд, Эренбург писал эссе, вступительные статьи и т. д., подсознательно оттягивая начало капитального труда. Не исключено, что ему нелегко было определиться, пришло ли время сесть за эту работу (т. е. дадут ли ему возможность ее напечатать). Очерки и статьи о Цветаевой и Бабеле, о Лапине, о Слуцком и об Элюаре стали до некоторой степени предмемуарной пробой пера. Они же прояснили вопрос: готово ли едва оттаявшее общество воспринять разговор писателя о времени и о себе и позволят ли ему осуществить этот разговор власти. Несомненный читательский успех и вместе с тем противодействие идеологического аппарата — вот основные выводы, которые сделал для себя Эренбург. Книгу «Французские тетради» можно считать тем полустанком, что расположился между «Оттепелью» и мемуарами «Люди, годы, жизнь».

Значительная часть всей эссеистической работы Эренбурга 1955–1958 годов связана с французской темой. Он много писал о французской культуре, нередко пользуясь понятным думающим читателям эзоповым языком, однако грамотные аппаратчики ЦК довольно быстро его раскусили — об этом можно судить уже по тому, что, скажем, о статье «Уроки Стендаля» было принято специальное осуждающее ее постановление ЦК КПСС...

Но обо всем по порядку.

В следующей за «Оттепелью» литературной работе Эренбург вернулся к давним (еще 1915 года) переводам из Франсуа Вийона и заново перевел отрывки из «Большого Завещания» и ряд баллад, а также написал статью о французском поэте (Иностранная литература. 1957. № 1). Это, наряду с эссе «К рисункам Пабло Пикассо» (Иностранная литература. 1956. № 10), положило начало его «Французским тетрадям» — книге эссе и переводов 1955–1957 годов.

Замысел собрать французские переводы и статьи о писателях и художниках Франции под одной обложкой возник, по-видимому, в самом начале 1957 года, когда две статьи из будущего сборника уже были напечатаны в журнале «Иностранная литература». В феврале 1957 года Эренбург написал для третьего выпуска альманаха «Литературная Москва», который вскоре запретили, рассыпав его набор, статью «Импрессионисты» (незадолго до того полотна этих французских художников наконец выпустили из запасников наших музеев, и они очаровали новые поколения поклонников живописи). А 22 марта 1957-го Эренбург закончил «Уроки Стендаля» и принялся за статью «О некоторых чертах французской культуры» (она стала, по существу, развернутым предисловием к «Французским тетрадям»). В сентябре 1957 года рукопись книги была готова и сдана в издательство «Советский писатель».

«Французские тетради» естественно вписываются в литературную работу Эренбурга 1950-х годов, за-

нимая в ней существенное место. Писатель был твердо убежден (на внешний взгляд, может быть, и несколько наивно), что в стране, где уничтожена религия, лишь искусство может возродить нравственность и, как он говорил, реабилитировать совесть. Отсюда его каждодневная настойчивая борьба за право искусства быть самим собой, независимо от того, что думают на сей счет невежественные партократы. Даже в самые мрачные сталинские годы Эренбург делал все, что позволяли его тогдашние возможности, чтобы не были наглухо перекрыты каналы связей с западной культурой; он никогда не скрывал своих вкусов и неизменно добивался, чтобы имена Пикассо и Матисса не вычеркивались из его выступлений. Так, еще в статье «Писатель и жизнь» (1951) Эренбург, вспоминая о встрече с Анри Матиссом (чьи полотна, естественно, были тогда в СССР под запретом), привел его рассказ о том, что есть подлинное искусство, а что — лишь пошлая подделка под него, — и это напечатали! В послесталинское время, несмотря на отчаянное сопротивление влиятельных блюстителей чистоты соцреализма в советском искусстве, поле просветительской деятельности Ильи Эренбурга значительно расширилось. Поколение, сформировавшееся в СССР в шестидесятых годах XX века, многим обязано Илье Эренбургу в своем культурном развитии. Заинтересованное читательское внимание неизменно сопутствовало этой эренбурговской работе, равно как и злобное «непонимание» охранительной критики.

3. «Уроки Стендаля» (поклонники и противники)

Из всех «Французских тетрадей» в советской прессе особенно досталось «Урокам Стендаля», не меньше, чем тогдашним статьям Эренбурга о стихах Б. Слуцкого, прозе И. Бабеля и поэзии М. Цветаевой (внимание власти к отечественной литературе и суждениям о ней

было, пожалуй, более пристальным, чем к иностранной классике). Во всех этих выступлениях писателя усматривалась попытка подрыва краеугольных идеологических установлений.

23 марта 1957 года Эренбург писал в Ленинград своему старому другу поэтессе Елизавете Полонской: «Я борюсь, как могу, но трудно. <...> Я долго сидел над двумя статьями. Сначала написал о французских импрессионистах, а вчера кончил статью о Стендале. Это, разумеется, не история, а все та же борьба».

«Уроки Стендаля» были написаны для вдумчивого читателя, которому было о чем задуматься и что вспомнить, читая в статье: «...дело не в личности тирана, а в сущности тирании. Тиран может быть умным или глупым, добрым или злым — все равно он всемогущ и бессиль, его пугают заговорами, ему льстят, его обманывают; полнятся тюрьмы, шепчутся малодушные лицемеры, и твердеет молчание, от которого готово остановиться сердце». Мысль эренбургской статьи вела читателя к раздумьям о современности, о том, что должна вернуть себе русская литература: «Искажение души насилием, лицемерием, подачками и угрозами было большой, может быть, основной темой романов Стендаля. Он не пытался скрыть свои политические симпатии; роль беспристрастного арбитра его не соблазняла. Удача его романов показывает, что тенденциозность не может повредить произведению искусства, если она рождена подлинной страстью и сочетается с внутренней свободой художника».

«Уроки Стендаля» не научное исследование, и Эренбурга легче всего обвинить в субъективности; он пишет о том, что ему близко и дорого в Стендале («Он не хотел смотреть человеческую комедию из ложи бельэтажа, он сам ее играл»; «Бейль (Стендаль — псевдоним Анри Бейля. — Б. Ф.) жил не для литературы, но его жизнь позволила ему стать большим писателем»; «Политика была для Стендаля одной из человеческих

страстей, большой, но не всепоглощающей»; «Стендаль любил свою родину, но он не выносил ни лживых похвал, ни лжепатриотической шумихи...»). Вместе с тем на примере Стендаля Эренбург говорит о проблемах, остроту которых история оставляет неизменно актуальной: «Спор о космополитизме Стендаля — это давний спор о подлинном характере любви к родине: связана ли такая любовь с пренебрежением к другим народам, с восхвалением пороков и недостатков соотечественников, с анафемами и здравицами», или: «Он говорил, что все человеческие несчастья происходили от лжи, работа писателя была для него служением правде. Он хотел примирить справедливость с той свободой, которая ему представлялась неотделимой от человеческого счастья... Он писал: “Нужно научиться не льстить никому, даже народу”». Прочитывается в «Уроках Стендаля» и несомненный спор с Фадеевым, который настойчиво подчеркивал героическое начало в героях Стендаля.

«Уроки Стендаля» уже 24 марта 1957 года в составе шестого номера «Иностранной литературы» были сданы в набор. Когда номер журнала читали в Отделе культуры ЦК КПСС, некоторые фразы в эссе Оренбурга, напрямую связанные с советской литературой, вызывали у чиновников-ортодоксов ярость (например: «Если это — критический реализм, — говорилось о Стендале, — то я до конца моей жизни буду ломать себе голову, что же его отличает от художественных методов того революционного и гуманного реализма, к которому стремятся теперь передовые писатели мира?» — или особенно возмущившая литаппаратчиков реплика о Стендале: «Живи он сейчас у нас, его, наверно, долго не принимали бы в Союз писателей...»). Если сравнить тексты «Уроков Стендаля», напечатанные в «Иностранной литературе» и во «Французских тетрадах», то приведенные выше фразы можно сыскать только в журнальной публикации: имея твердые указания ЦК, издательство потребовало от Эренбурга их убрать — не желая дразнить гусей,